

«СОЛНЕЧНЫЙ КЛОУН» ГОВОРИТ СЕРЬЕЗНО

Мы договорились встретиться рано утром. Все гардеробные за кулисами Ленинградского цирка были еще закрыты, а в этой, под номером шесть, уже горел свет и шла работа. «Ни дня без строчки», — сказал писатель Юрий Олеша. «Ни минуты бездела», — может сказать о себе народный артист СССР Олег ПОПОВ. Не в этом ли — в огромном повседневном труде — один из «секретов» его мастерства, которое с годами становится еще совершеннее, отточнее.

— Что вы можете сказать о современном клоунском искусстве?

— Клоунаду обычно принято критиковать. Что ж, отчасти это и правильно. Нельзя успокаиваться на достигнутом, несмотря на то, что клоунада, как и все другие жанры циркового искусства, знает много нового, интересного.

Некогда были очень популярны так называемые «рыжие». Грим на лица эти клоуны кляли широкими мазками, отчего они получались как размалеванные, костюмы у них были широкие, башмаки — огромные. Это были представители буффонадной клоунады. Я в цирке с 1950 года, клоунадой занимаюсь с 1951-го и еще застал «рыжих». Но это уже были последние могикане.

«Рыжие» заменили коверные клоуны, которые не только заполняли, как им и положено, паузы в представлении, но и стали выступать с отдельными самостоятельными сценками, нередко появляясь на манеже большими группами. Это были молодые выпускники циркового училища, студий, и они принесли на манеж новые клоунские приемы, которые резко отличались от приемов буффонадной клоунады. Наиболее яркие представители этой плеяды — Карандаш, Константин Берман, Константин Мусин, Борис Вяткин, Юрий Никулин и Михаил Шуйдин, из более молодых — Геннадий Ротман и Геннадий Маковский. Впрочем, всех и не перечислишь. Очень талантливым был Леонид Енгибаров, но его, к сожалению, нет с нами. Нравится мне и выступавший незадолго до меня на ленинградском манеже Александр Родин, хотя ему еще надо поработать над углублением своего клоунского образа.

Но, к сожалению, на манеже есть и немало сереньких, посредственных исполнителей, не облада-

Гардеробная клоуна — его рабочая комната. Здесь он что-то непрерывно мастерит, здесь и репетирует. На стене висит знаменитая клетчатая кепка. Рядом — парик, веселые, яркие рисунки, сделанные партнером Олегом Поповым — Александром Алешичевым в качестве замыслов будущих антре и реприз. Лежат какие-то предметы, о назначении которых сразу и не догадаешься. Это реквизит, с которым выходит или еще только будет выходить на манеж клоун. Вот здесь-то и состоялась наша беседа.

НАШИ СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

ющих оригинальными клоунскими масками, занимающихся в той или иной степени подражательством. Конечно, на первых порах у молодого исполнителя может быть свой кумир, на которого он равняется, которому подражает. Таким кумиром был в свое время, в частности, Чарли Чаплин, которому подражали многие. Но с годами клоун должен перестать заниматься копировкой и найти свое, индивидуальное, самобытное.

Когда я начинал свой творческий путь, кое-кто советовал мне завестись в качестве партнера собачку: она, мол, будет «оживлять» номер. Но уж слишком много клоунов до меня работали с собачками. Поэтому, чтобы не впасть в подражание, я начал выходить не с собачкой, а то с кошкой, то с петухом.

Советская клоунада должна быть представлена на арене широко, разнообразно. Поэтому, конечно, жаль, что исчезли «рыжие». Может быть, следует подумать о специальной подготовке клоунов этого жанра. Может быть, надо сделать так, чтобы классический репертуар, вроде знаменитой «Пчелка, пчелка, дай мне меду», стал обязательным при подготовке клоунов в цирковых учебных заведениях. Ну и, конечно, когда мы говорим о репертуаре, нельзя забывать и об авторах — тех, кто создает репризы, антре. Однако хороших авторов, пишущих для клоунов, к сожалению, совсем мало, и в этом тоже одна из причин нашей неудовлетворенности разговорными репризами и клоунадами.

— Вам много приходилось бывать за границей. Ваши впечатления от выступлений зарубежных коллег.

— Вот там-то, в отличие от нашего цирка, до сих пор живут и здравствуют «рыжие» клоуны. Но особенно ярких индивидуально-

стей я среди них не встречал. Все они, как правило, грубы, очень многое в своих выступлениях строят на пинках и пощечинах. Даже такие талантливые исполнители, как Ривелс или братья Фрателлини, в своей работе сохраняют не всегда лучшие традиции клоунады. Надо, однако, сказать, что после гастролей советских клоунов многие наши зарубежные коллеги начали меньше накладывать на свои лица грим, стали, если можно так выразиться, более человечными. Первыми отказались от устаревших приемов клоуны цирков социалистических стран. А теперь это начали делать и во многих других странах.

В Париже мне довелось однажды выступить вместе с популярным клоуном Ахиллом Заваттой. Это было на благотворительном спектакле, устроенном в пользу престарелых артистов цирка, которые на Западе находятся прямо-таки в бедственном положении: ведь в отличие от наших артистов никакой пенсии в старости они не получают. Мы с Заваттой исполняли старинное антре «Вода». И хотя мы вышли на манеж почти без репетиций, хотя я не знаю французского языка, а Заватта — русского, тем не менее мы выступили успешно. Искусство цирка, в том числе и клоунское, как видите, само по себе интернационально.

— Мы знаем вас, Олег Константинович, как выдающегося мастера клоунады. Есть ли у вас какие-либо «секреты» смешного?

— Как в театре, так и в цирке есть ремесленники, а есть и подлинны артисты. Можно, например, научиться жонглировать десятью булавами, что, надо сказать, чрезвычайно трудно, и не «зажечь» зрителей, оставить их равнодушными, а можно работать всего с тремя булавами и потрясти всех

своим искусством. Секрет один. Надо очень любить свою профессию, отдавать работе всего себя, что называется, без остатка, гореть ею, ну и, конечно, иметь, наверное, какие-то способности.

Клоуну необходимо постоянно шлифовать свое мастерство, искать какие-то новые нюансы, штрихи даже для тех реприз, которые он исполняет, быть может, годами. Вспомните то, что каждому из нас приходилось наблюдать не однажды, — замерзшее от мороза стекло. Бывает, что оно просто замерзает и на него не обращает внимания, а бывает, что на нем появляются такие интересные узоры, что глаз не оторвешь. Вот так и в нашей работе — клоун должен стремиться затейливо «разрисовывать» свои сценки, а не просто их исполнять.

Я лично считаю, что клоун должен быть не грубым, отталкивающим, а мягким, симпатичным, чтобы от него всегда исходили лучи тепла и добра.

— Вам уже не первый раз приходится выступать в Ленинграде. Обогатили ли вас чем-либо выступления на ленинградском манеже?

— В Ленинграде происходило мое становление как клоуна. Я участвовал в спектаклях «Праздник на воде», «Карнавал на льду». Это было в пятидесятых годах. В «Карнавале на льду» выступал в паре с Борисом Вяткиным. Тогда мы были еще молоды и, может быть, недостаточно опыты. Многие мне дала работа с видным деятелем циркового искусства Георгием Семеновичем Венециановым, который в ту пору был художественным руководителем Ленинградского цирка. К сожалению, «цирковой конвейер» не так уж часто дает мне возможность увидеться с ленинградцами. Одной из моих последних больших работ, которые я демонстрировал в цирке на Фонтанке, было сатирическое обозрение «Лечение смехом». Тогда мы вручали зрителям листовки с «рецептом» здоровья: «Веселычак живет всех дольше, смеется в день раз сто и больше».

— Ваша семья тоже имеет отношение к цирковому искусству. Можно ли говорить о цирковой династии Поповых?

— Действительно, моя жена участвует в музыкальной эксцентриаде, дочь работает на проволоке, зять — жонглер. Но о династии говорить еще рано. Поживем — увидим...

— Почему вы выбрали в качестве партнера Александра Алешичева?

— В свое время моими партнерами были Шехтман, Будийский, Добронравов, Асатчев. По тем или иным причинам мы расстались. Алешичев понравился мне своей мягкостью, которая всегда импо-

нирует. К тому же он — хороший художник — карикатурист. Значит, человек умеет чувствовать, подмечать смешное, что для клоуна очень важно. Не каждый может быть партнером в клоунских дуэтах, трио и квартетах. Тут важно умение и слиться воедино, и где-то только подыграть, а где-то и выйти на первый план. У Алешичева такое умение есть.

Сейчас в нашем содружестве появился еще один молодой исполнитель — Анатолий Жуков. Возлагаем на него большие надежды.

— Вы готовитесь выступить в представлении для детей «Сказка о попе и о работнике его Балде». Почему вы остановились на этом произведении? И не смущает ли вас парадоксальное: Пушкин и цирки?

— Мне близка сказка. Может быть, потому, что в моем клоунском образе есть что-то от русского фольклора, от сказочного персонажа. Несколько лет назад я с огромным удовольствием выступал в представлении для детей «Царевна Несмеяна», играл в нем роль ловкого пройдошистого парня, попавшего в царский дворец. Выбирая сюжет для нового спектакля, я и сценарист Борис Романов решили остановиться на произведении Пушкина. Нас это несколько не смущает. Ведь если был в свое время балет на эту тему, то почему не может быть и циркового представления? Если когда-то инсценировали для манежа «Конька-Горбунка», то почему нельзя это сделать и со «Сказкой о попе и о работнике его Балде»? Тем более, что в пушкинский сюжет легко «укладываются» цирковые трюки. Ведь Балда и кашу варит, и попенка нянчит, и с чертями дело имеет. А эпизод, в котором сперва бесенок, а затем Балда кобылу поднимают? Да это же самая настоящая клоунская сценка!

Пригласив для написания текста песен Михаила Ножкина, мы создали спектакль, который уже был показан в Москве. Теперь в дни зимних каникул его увидят и юные ленинградцы.

Стены цирка на Фонтанке помнят немало шедших некогда пантомим, феерических спектаклей. «Сказка о попе и о работнике его Балде» — попытка возродить незаслуженно забытое зрелище. Для детской аудитории всегда требуется, чтобы на манеже было много движений, беготни, так как сам цирк — это ведь прежде всего динамика. Всего этого много в нашем новом спектакле.

— Ваши дальнейшие творческие планы?

— О своих неосуществленных планах говорить не люблю — как бы не «сглазить». Надо сказать, что год на год не похож: один бывает «урожайным» в творчестве, а в другом — сплошная «засуха». В общем каждый день с партнерами репетируем, занимаемся поисками новых сюжетов, трюков. Снимаю в телефильме «Мой вундук — вундеркинд». Через некоторое время зрители увидят и его.

Беседу провел М. МЕДВЕДЕВ
Фото Ю. ЩЕННИКОВА

